

Синкретизм в новых религиозных движениях Японии на примере Оомотокё

А. Г. Шехтер

Аннотация

Статья посвящена идейному наполнению одного из самых значимых японских новых религиозных движений XIX–XX вв. – Оомото-кё; в значительной мере повлиявшего на методы прозелитизма и учения более поздних новых религий. Основателями некоторых из них были выходцы из Оомото (в частности – Сэйтё-но Иэ и Сэкай Кюсэйкё). Автор пытается выявить происхождение различных доктринальных элементов Оомото, которые, как и во многих других новых религиозных движениях, имеют синкретический характер, существуют бок о бок с постулатами, имеющими корни в совершенно разных религиях.

В ходе исследования выясняется, что особое влияние на Оомото оказали народные секты *кося* поздней эпохи Эдо, традиционный шаманизм, синтоистские верования и их интерпретации в рамках традиции Кокугаку, а также отдельные вырванные из контекста буддийские элементы и различного рода западные идеи, в число которых входят интернационализм и библейская экзегетика в ее весьма упрощенном, неортодоксальном и свободном изводе.

Полученные результаты дают более точное понимание японского религиозного ландшафта с конца XIX в. до наших дней и помогают лучше понять, каким образом Оомото могло повлиять на формирование учений более поздних сект. Работа также призвана привлечь внимание к слабой изученности новых японских религий в академической среде.

Ключевые слова: новые религиозные движения, синкретизм, современные секты, Кокугаку; синтоизм, буддизм; Оомото-кё.

Автор: Шехтер Александр Геннадьевич – лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

ORCID: 0009-0008-4934-0483

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Syncretism in New Religious Movements of Japan: The Case of Oomotokyō

A. G. Shechter

Abstract:

This work is devoted to the ideological content of one of the most significant Japanese new religious movements of the 19th – 20th centuries, Oomotokyō, which to a high degree influenced the proselytizing methods and teachings of later new religions, the founders of which were also descendants of Oomoto (in particular, Seicho-no Ie and Sekai Kyūseikyō). The author attempts to identify the origin of various doctrinal elements of Oomoto, which, as in many other new religious movements, are syncretic in nature, existing side by side with postulates rooted in completely different religions.

The study finds that Oomoto was particularly influenced by late Edo-era *kosha* folk religious organizations, traditional shamanism, Shinto beliefs and their interpretations within the Kokugaku tradition, as well as selected Buddhist elements taken out of context and ideas from various kinds of Western ideas, which include internationalism and biblical exegesis in its highly simplified, unorthodox, and loose version.

The findings provide a more accurate understanding of the Japanese religious landscape from the late nineteenth century to the present day and help to better understand how Oomoto may have influenced the formation of the teachings of later NRMs. The work is also intended to draw attention to the poorly studied nature of Japan's new religions in Russian-speaking academia.

Keywords: new religious movements, syncretism, modern sects, Kokugaku, Shinto, Buddhism, Oomoto.

Author: *Shechter Alexander Gennadyevich*, Assistant-Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031.

ORCID: 0009-0008-4934-0483

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Термином «новые религиозные движения» (далее – НРД) в Японии принято обозначать религиозные направления, которые, как правило, возникли и продолжают возникать с начала XIX в. до наших дней. В японской и западной академической среде они также известны под термином 新宗教, *синсю:кё:*, «новые религии», в отличие от «укоренившихся религий» 既成宗教, *кисэйсю:кё*, то есть все известные деноминации традиционного японского религиозного ландшафта [Winter 2018, p. 17]. Японские НРД мало изучались в русскоязычном научном сообществе. Из востоковедческих работ на эту тему можно отыскать в основном статьи [Бабкова 2022]. Тем не менее некоторые представители новой японской религиозности все же привлекли внимание отечественных исследователей, например, секта Тэнрикё: 天理教, разобранный в книге [Комаровский и др. 2014]. Кроме того, хорошо изучена Аум синрикё: オウム真理教, *о:му синрикё:*, основанная в 1984 г. Асахара Сё:ко: 麻原彰晃 (1955–2018). Уже к концу 1980-х гг. она приобрела репутацию недобросовестной организации – тогда поползли слухи об обмане прозелитов и вымогательстве денег. Помимо ряда иных правонарушений с использованием химического оружия¹, секта известна своим главным преступлением – зариновой атакой 1995 г. в токийском метро. Аум синрикё: была очень популярна в России: к 1995 г. в ее российском отделении насчитывалось в восемь раз больше последователей, чем в японском (около 50.000 человек)²; активно велась кампания по прозелитизму – на телеканале «2х2» и на

¹ Bacillus anthracis Bioterrorism Incident, Kameido, Tokyo, 1993. *The National Center for Biotechnology*.: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3322761/> ; Japanese cult used VX to slay member. *ACS Publications*.: <https://pubs.acs.org/doi/10.1021/cen-v076n035.p007>

² «Аум синрикё» в России. *Коммерсантъ*, 30.09.1999: <https://www.kommersant.ru/doc/226542?query=%D0%B0%D1%83%D0%BC%20%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B5>

радиостанции «Маяк» регулярно выходили передачи Аум. Все это не могло не заинтересовать как отечественных японоведов³, так и религиоведов⁴. НРД на основе буддизма школы Нитирэнсю: 日蓮宗 под названием Сока гаккай 創価学会 (основана в 1930 г.) тоже затрагивалась в энциклопедических⁵, а также аналитических статьях [Молодякова 2012]. Наиболее всеобъемлющим научным трудом о Сока гаккай, а также о других НРД нитирэнзовского толка на данный момент является книга Игнатовича А. Н. и Комаровского Г. Е. «Лотос и политика» [Игнатович, Светлов 1989]. Иными словами, если об определенном уровне изученности вышеперечисленных новых религий в русскоязычной академической среде говорить можно, то другие представители японских НРД до сих пор остаются без внимания.

На данный момент японские новые религиозные движения оказывают ощутимое влияние на общество, что выражается, в частности, в их внутривнутриполитической активности. Здесь снова можно привести пример Сока гаккай, адепты которого создали партию Ко:мэйто: 公明党 в 1964 г., а в 1986 – религиозное формирование Ко:фуку-но кагаку 幸福の科学, выступающее на политической арене в виде партии Ко:фуку-дзицугэнто: 幸福実現党 (с 2009 г.). Кроме того, «пасты» японских НРД, судя по всему, весьма внушительны и составляют около 10% от всего японского населения (порой исследователи даже говорят о 10–20% [Mullins 2011, p. 65]). Следует понимать, что цифры эти весьма условны – критерии «адепта» той или иной японской НРД крайне расплывчаты⁶. Ситуации не помогает и то, что в современном японском обществе, как правило, не принято ставить во главу своей идентичности приверженность тому или иному религиозному движению. Так или иначе приведенная статистика говорит об определенном влиянии японских НРД на жизни японцев.

³ К примеру, социально-психологический фактор преступлений секты был затронут в диссертации А. Е. Раевского [Раевский 2015].

⁴ Так, к примеру, И. Я. Кантеров, религиовед неапоноведческого профиля, написал статью про Аум Синрикё: в Большой Российской Энциклопедии: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1840127

⁵ Икэда Дайсаку, статья в Большой российской энциклопедии. Автор: Э. В. Молодякова: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2004589

⁶ Не вполне понятно, кого записывать в «адепты»: человека, прошедшего некую инициацию? Подписавшего какие-то особые бумаги? Или же просто регулярно слушающего проповеди той или иной секты? А может быть, этот вопрос остается только на уровне личного мировоззренческого восприятия конкретного индивида? Пожалуй, в определенной мере в современной Японии схожий вопрос касается и «укоренившихся религий».

Изучение новых религий Японии важно и для понимания современной японской религиозности⁷, осевым моментом в формировании которой можно считать как эпоху конца сёгуната, так и даже более ранние периоды эпохи Эдо. Бакумацу и период реставрации Мэйдзи характеризовались активным вторжением западных идей в японское общество, что сильно повлияло на формирование отношения его представителей как к своим религиям, так и чужеродным, а также дало почву для совершенно новых религиозных образований. В то же время поток новых идей – отнюдь не единственный компонент формирования новых религиозных движений и новой японской религиозности в целом. Немаловажную роль сыграли и традиционные для Японии верования, о чем далее и пойдет речь.

Народный теизм как генезис новых религиозных движений в Японии

«Отец японского религиоведения» Анэсаки Масахару 姉崎正治 (1873–1949) еще в 1930-х гг. обратил внимание академического сообщества на народные культы XIX в., которые исследователь объединил под зонтичным термином «народный теизм» [Anesaki 1930, p. 309–311]. Такие секты по-японски нередко именовались термином 講社, *ко:ся*, что обычно переводят как «религиозная община» или «религиозное братство». Буквальный же перевод этого иероглифического бинорма – «сообщество проповеди/чтения вслух», что, вероятно, связано с институциональным положением этих сект в эпоху Токугава. В то время *ко:ся* в условиях сильного религиозного контроля со стороны *бакуфу* были вынуждены официально аффилировать себя с буддийскими институтами. Первый иероглиф 講 на тот момент имел в основном буддийские коннотации и использовался в слове 講会, *ко:э/ко:кай*, обозначавшем собрание буддийских монахов (а иногда и мирян⁸) для чтения вслух буддийской литературы и скандирования сутр или для проповеди. До появления феномена «народного теизма» само слово *ко:ся*, как правило, обозначало лишь коллектив,

⁷ Термин «религиозность» в рамках данной статьи обозначает качество, тесно связанное с религиозным сознанием и поведением представителей японского общества, а также оценками такого поведения.

⁸ 講社とは [What is Kosha?]. 本願寺とともに [Together with Honganji]. (In Japanese): <https://kousha.hongwanji.or.jp/html/cat2.html>

проводящий такого типа буддийские собрания. Исключением можно считать использование иероглифа 講 в контексте конфуцианских⁹ центров образования для самураев 藩校, *ханко*:. Знак 講 в данном случае использовался для обозначения поучений или, говоря современным языком, лекций. Одна из школ-*ханко* в княжестве Такамацу так и называлась 講道館, *Ко:до:кан*, то есть «Дом чтения лекций о Пути».

Весьма любопытно, что у сект-*ко:ся* мы находим сильно выраженный генотеистический элемент, почти что граничащий с монотеистическим. Главенство определенных божеств в различных синтоистских культах – совершенно неудивительный для Японии феномен: в святилище в какой-нибудь деревне может жить один *ками*¹⁰, которого почитают местные жители, пытающиеся смягчать его буйный нрав различными ритуалами (к примеру, празднествами *мацури*). А в селе неподалеку будет совершенно другое святилище с иным божеством, методы угождения которому могут разительно отличаться. Таким образом, каждое божество властвует только на своей территории.

Секты «народного теизма» отличились тем, что зачастую выдвигали какое-то божество в качестве властителя или создателя всего мира вообще. Анэсаки даже выдвинул гипотезу, что на народных теистов могли повлиять японские подпольные христиане *какурэ киристан*, которые почти всю эпоху Эдо старались сохранять запрещенную на тот момент в Японии христианскую традицию [Anesaki 1930, p. 312].

Проследить христианские корни «народного теизма» легче всего на примере первого религиозного движения подобного рода, основанного в 1802 г. крестьянкой Кино *きの* (1756–1826) из провинции Овари. Свое наименование это движение получило более сотни лет спустя: в 1927 г. на секту обратила внимание японская наука и назвала

⁹ На деле спектр направлений мысли в этих школах был весьма различен в зависимости от конкретной *ханко* и эпохи. Если изначально все дисциплины в *ханко* были преимущественно конфуцианскими, то начиная с XVIII в. в этих школах наблюдалась заметная диверсификация: популярными стали Кокугаку, «национальная наука», и даже Рангаку, «голландская наука», изучавшая все европейские знания, проникшие в Японию в период самоизоляции. Адепты интеллектуального движения Кокугаку изучали тексты японской классики, а также пытались сконструировать из *синто* полноценное философско-религиозное течение со своей герменевтикой, теологией, разработанной доктриной и т.д.

¹⁰ Безусловно, существуют и святилища с несколькими божествами. Особенно много их появляется в период Мэйдзи (1868–1912), когда правительство активно старалось «переносить» культы нескольких святилищ в одно, «спаивать» их в единый культ ради бюрократического удобства.

ее 如来教, Нёрайкё:, учением Татхагаты¹¹ [Anesaki 1930, p. 312]. Сами же последователи Кино назвали свое движение この度, *Конотаби*, что, вероятно, правильное всего перевести как «[учение о] нынешней эпохе, [знаменующей собой спасение человечества]». Религиозный нарратив секты записывался со слов Кино четырьмя писарями и в конце сверялся пятым участником всего действия – слушателем. Согласно текстам секты (около трехсот свитков), генотеистический¹² бог, зовущийся Татхагатой, несет свое последнее слово человечеству через горное божество Компира 金毘羅, которое, в свою очередь, передает его шаманке Кино. Татхагата пытался спасти людей и до этого, посылая на землю всяческих святых, но они всякий раз не справлялись со своей миссией. Но «в этот раз» (*коно таби*) бог обрел сосуд, способный вместить и передать полное и неискаженное божественное послание о спасении человечества: этим сосудом и является Кино [Waley 1933, p. 105].

Прямых свидетельств о связи шаманки Кино и *какурэ киристан* не сохранилось. Тем не менее многие идеи Нёрайкё: поразительным образом схожи с христианскими догмами. Так, Татхагата по версии Нёрайкё: является создателем и всемогущим властителем всего мира (неоднократно подчеркивается его отцовский статус), а также богом, любящим и жалеющим человечество [Waley 1933, p. 108], то есть носителем атрибутов, традиционных для христианской интерпретации монотеистического Бога. Более того, как указывает Анэсаки, словом «Нёрай» своего Бога зачастую именовали сами *какурэ киристан* [Anesaki 1930, p. 312]. Отдельного упоминания в связи с христианскими параллелями заслуживает и то, что Кино любила именовать себя りふうぜん, *рю:дзэн*, этот своего рода духовный титул обозначал ее мессианскую природу, то есть особую роль спасителя. Как указал современник Анэсаки, британский востоковед Артур Уэйли, это слово часто встречается на христианских надгробиях эпохи Муромати (1336–1573) и, вероятнее всего, является японизированным португальским именем Люция (именем святой Люции Сиракузской) [Waley 1933, p. 109].

Несмотря на явное влияние буддизма и вполне вероятное – японского подпольного христианства, Нёрайкё: в остальных своих аспек-

¹¹ В японском буддизме слово «Татхагата» (*нёрай*) нередко является синонимом слова «будда» (佛, *хотокэ/буцү*).

¹² В Нёрайкё: Татхагата – главный, но не единственный объект почитания. Все остальные божества (в особенности синтоистские) являются его подчиненными.

тах, скорее всего, является порождением традиционной японской религиозности, тесно связанной с шаманизмом и культами гор, на что намекает, в частности, бог-посланец Компира, почитаемый горными аскетами 修験者, *сюгэндзя*.

В синкретизме традиционной японской религиозности с вырванными из контекста буддийскими идеями, а также косвенным влиянием *какурэ киристан* (либо – влиянием генотеизма), на мой взгляд, следует видеть генезис новой японской религиозности. Именно такой набор идей будет характеризовать многие НРД Японии вплоть до начала XX в.

Особое место Оомотокё: среди японских новых религий

Некоторые исследователи считают, что «народных теистов» вообще не следует включать в категорию НРД, поскольку многие из них были юридически признаны в качестве так называемых «синтоистских сект» (教派神道, *кё:ха синто*), а следовательно, должны рассматриваться как часть истории синтоизма [Earhart 1983, p. 5]. Так или иначе их влияние на формирование более поздних НРД, как правило, не подвергается сомнению. Особое место здесь занимает секта Оомотокё: 大本教, возникшая в 1892 г. Согласно западным исследованиям, она сильно повлияла на институциональное и идейное становление множества НРД, в частности, Сэйтё-но из 生長の家 (1930) и Сэкай Кюсэйкё 世界救世教 (1935), основатели которых были выходцами из Оомото. Влияние этой секты на современные японские секты, с точки зрения религиоведа Франца Винтера, ощущается и по сей день [Winter 2018, p. 17–33].

Оомотокё: в начале своего существования, по сути, представляла «народный теизм». Основательница секты, крестьянка Дэгути Нао 出口直 (1837–1918), в общем и целом, недалеко ушла от методов и практик шаманки Кино. Нао тоже играла роль медиума – через нее передавалась воля некоего главенствующего божества. Таких шаманок и шаманов в Японии к тому времени было уже немало: достаточно будет вспомнить Накаяма Мики 中山 みき (1798–1887) из Тэнрикё: 天理教 (1838), жреца Куродзуми Мунэтаду 黒住 宗忠 (1780–1850) из Куродзумикё: 黒住教 (1814) и Бундзиро Каватэ 川手文治郎 (1814–1883) из Конко:кё: 金光教 (1859). В то же время, приемный сын Нао,

Дэгути Онисабуро: 出口王仁三郎 (1871–1948) в процессе институционального и доктринального оформления Оомото связал движение со множеством западных концептов и методов, присущих уже новой Японии: от использования средств массовой коммуникации до интерпретаций христианства. Автор самого большого из опубликованных на западных языках на данный момент академического труда об Оомото Нэнси Сталкер считает, что многие лидеры успешных новых религиозных движений в послевоенной Японии рассматривали Оомото в качестве образца. Они следовали за Дэгути в написании своих религиозных сочинений, попытках привлечь внимание общественности с помощью многочисленных медиа, а также в согласовании интересов секты с экономической, социальной и культурной ситуацией в Японии [Stalker 2018, p. 52–53]. Именно высоким уровнем влияния на другие НРД Оомото выделяется на фоне предшественников и представляет особый интерес для исследователей.

Народные верования, интерпретации синтоизма и иные учения традиционной Японии в Оомото

Датой основания Оомото принято считать 1892 г. – именно тогда, в вечер праздника *сэцубун* (он проводился в третий день второго месяца), согласно традиционному повествованию секты, Дэгути Нао впала в состояние одержимости божеством, представившимся как Уситора-но Кондзин 丑寅の金神, «Северо-восточный бог металла»¹³. Поселившись в ее животе¹⁴, бог заставил крестьянку блуждать по родному поселку Аябэ и громко скандировать проповедь о грядущем конце света. В конце концов ее задержали полицейские, после чего посоветовали соседям соорудить специальную клетку, в которую и заключили Нао. Считается, что некоторое время

¹³ Здесь и далее мы излагаем историю Оомото по материалам официального сайта секты: 教祖 [The Founders of the movement]. おももと [Oomoto. The official site]. (In Japanese).: <https://oomoto.or.jp/wp/kyouso/>; Nao Deguchi: Biography of the founders of Oomoto. A translation of Oomoto Kaisoden. Oomoto.: <http://www.oomoto.or.jp/English/enKyos/kaisoden/index.html>

¹⁴ Живот в дальневосточных культурах может являтьсяместилищем души – «полем киновари» (丹田, *тандэн*). В японских верованиях такое может встречаться, к примеру, в народных представлениях о водяных-*каппа*, нередко охотившихся за людской «малой анальной яшмой» (尻子玉, *сирикотама*), особую важность которой может объяснять близость с «полем киновари» – именно такую интерпретацию *сирикотама* приводит независимый исследователь японского буддизма Марк Шумахер на своем сайте: <https://www.onmarkproductions.com/html/kappa.shtml>

спустя Кондзин направил ее руку, заставив начертить гвоздем первые строки священного текста Оомото, получившего наименование お筆先, *Офудэсаки* («[вслед] за кончиком кисти»), позднее в самом деле записанного кистью на японской бумаге. Любопытно, что основательница секты якобы не могла прочесть то, что писала, – источники Оомото указывают, что в *тэракоя* (начальной школе при буддийском монастыре) она, в отличие от других крестьян, не училась и хираганы не знала (этой слоговой азбукой был записан текст *Офудэсаки*). Биографы Нао постоянно подчеркивают, что ее жизнь была полна страданий: жила она бедно, ее дети сходили с ума или умирали, а муж, работавший плотником, упал с крыши, был парализован и через два года скончался. Истрадавшейся Нао пришлось стать старьевщицей и бродить по селам, собирая старые тряпки.

Исходя из такого несколько упрощенного извода жизнеописания Дэгути Нао можно постараться проследить связь раннего Оомото с «народным теизмом». Помимо вселения в Нао некоего всемогущего божества (этот мотив встречается практически во всех ранних японских НРД), любопытен и выбор именования этого бога – Уситора-но Кондзин. Кондзин появился в Японии в рамках учения и гадательных практик Оммё:до: 陰陽道 в эпоху Хэйан; это злонравное божество отвечало за северо-восток – сторону света, связанную с демонической силой. Смена роли божества на человеколюбивого демиурга и спасителя – вовсе не изобретение Оомото. Уситора-но Кондзин в своей доброжелательной ипостаси уже успел появиться в рамках секты Конко:кё:¹⁵. Известно, что Нао была одним из адептов этого религиозного движения, но позднее ушла оттуда. *Офудэсаки* в качестве наименования священного текста тоже появилось раньше, чем об этом сообщается в биографии шаманки. Так назывался текст учения Тэнрикё:, записанный в виде стихов *вака*. С одноименным текстом Оомото его сближает использование слоговой азбуки без иероглифов. Призванные вызвать жалость мотивы в житии основательницы Оомото, которые в то же время рассматриваются как своего рода маркер идеального медиума божества, появляются уже в жизнеописании шаманки Кино из Нёрайкё:. Итак, на раннем этапе Оомотокё: продолжит традиции «народного теизма».

¹⁵ Konjin. Kokugakuin: Encyclopedia of Shinto.: <http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/entry.php?entryID=217>

Импульс доктринальному развитию секты дал ее новый член, Уэда Кисабуро: 上田喜三郎, позднее усыновленный Нао под именем Дэгуги Онисабуро:. Традиционный нарратив Оомото приписывает ему родство с художником Маруяма О:кё 円山応挙 (1733–1795), который тоже родился в крестьянской семье в провинции Тамба. Впрочем, куда больший интерес представляет другой его предок – Накамура Ко:до: 中村孝道 (?–?), приверженец Кокугаку, один из интерпретаторов синтоистского концепта 言霊, *котодама* («душа слова»), который принято связывать с архаичным верованием в особую магическую силу произнесенных вслух слов и отдельных слогов. Знания о *котодама* юный Онисабуро: получал от продолжательницы традиции Накамуры, своей бабушки Уно, которая также привила внуку любовь к японской классике. Уже взрослый Дэгуги Онисабуро: обучался у другого адепта *Кокугаку*, Окада Корэхиро 岡田惟平 (1822–1909), а после знакомства с Нао поступил в синтоистское учебное заведение Ко:тэн Кокю:сё 皇典講究所. Иными словами, сооснователь Оомото почти всю свою жизнь изучал различные интерпретации синтоизма, что не могло не отразиться на идеях его секты.

Котодама в интерпретации Накамуры послужила главным инструментом в трактовке *Офудэсаки*. Помимо того, что священный текст был преобразован Дэгуги в удобочитаемый для образованного японца вид (к слоговой азбуке были добавлены иероглифы), была задействована и особая герменевтическая техника. Она заключалась в виртуозном использовании различных чтений иероглифов для поиска особых, неочевидных смыслов, которые казались Дэгуги наиболее верными. Так, имя бога Кондзин, традиционно записываемое с первым иероглифом «металл» (金), Дэгуги иногда писал с помощью знака «основа/корень» (根, *кон*), что, вероятно, связано с попытками избавить головное божество секты от хэяньских зловещих коннотаций. Н. Сталкер считает, что с помощью такой обработки текста Дэгуги продвигал свои идеи, нередко идущие вразрез с заложенными Нао смыслами. Многие фрагменты *Офудэсаки* порой изменялись до неузнаваемости, что вызывало недовольство как Нао, так и некоторых адептов Оомото [Stalker 2008, p. 57–58]. Основатели секты в целом известны своими ссорами и доктринальными разногласиями. Тем не менее молодой Онисабуро: был просто необходим Нао – она высоко ценила его образованность и организаторские способности.

Впоследствии именно он преобразовал секту в полноценную организацию с юридическим статусом.

В текстах собственного авторства Дэгути апеллирует ко многим теориям Кокугаку. Особый интерес представляет его взгляд на двойственную природу божества Кондзин, теперь уже несомненно монотеистического Бога – именно такую идею сооснователь секты передает в труде «Вёрсты [божественного] Пути» (道の栞, *Мити-но Сиори*), единственной книге Оомото, переведенной на русский язык. В этом тексте фигурируют два божества – Идзу и Мидзу (по-японски записываются, как правило, только каной – いづ、みず), являющие собой две ипостаси единого Бога. Дэгути приводит атрибуты каждого из божеств: Идзу связан со строгостью и величием, огнем, небом, отцовством и духовным началом, тогда как Мидзу олицетворяет собой свежесть и красоту, воду, землю, материнство и телесное начало¹⁶. Иными словами, Идзу и Мидзу – это очередной извод натурфилософского концепта «Великого предела» – Инь и Ян. Созданием таких якобы «исконно японских» Инь и Ян занимались и в Кокугаку. А. А. Накорчевский пишет, что у *кокугакуся* вместо Ян был популярен огненный дух небес Амэ-но хо-но кэ, а вместо Инь использовался водный дух земли Цути-но мидзу-но кэ [Накорчевский 2003, с. 379], о которых, судя по всему, Дэгути должен был знать.

Другой труд, «Повествование о мире духов» (霊界物語, *Рэйкай моногатари*), Дэгути, как считается, диктовал писарям в состоянии одержимости божествами. В отличие от Нао, схожим образом написавшей *Офудэсаки*, Дэгути был прекрасно знаком с теорией одержимости духами в рамках Кокугаку. В ее изучении ему помог основатель секты Инари ко:ся 稲荷講社 (основана в 1892 г.) Нагасава Кацутатэ 長沢雄楯 (1858–1940). Он был учеником создателя теории одержимости *тинкон кисин* 鎮魂帰神, Хонда Тиикацу 本田親徳 (1822–1889), который, в свою очередь, учился у Аидзава Сэйсисай 会沢正志斎 (1782–1863) – одного из самых известных представителей школы Мито, впоследствии очень сильно повлиявшей на формирование японской государственной идеологии. В Оомото техника *тинкон кисин* использовалась в качестве своего рода рекламы для завлечения новых адептов. Так, во время распространения этой техники

¹⁶ Вёрсты божественного пути в переводе с эсперанто на русский С. И. Аникиева. К читателю 5: https://vk.com/wall-56141234_163

адептами Оомото в начале 1920 г. в секту приходило около 700–800 новых верующих в месяц, а в мае, июне и июле – по 6000 в месяц. Считается, что успех Оомото с *тинкон кисин* был так велик, что все позабыли о первоначальном распространителе этой техники – Инари ко:ся. Н. Сталкер объясняет успех такой рекламной кампании особым интересом японской общественности к спиритуализму и мистицизму в эпоху Тайсё [Stalker 2008, p. 77–78].

Буддийские идейные элементы, миллениаризм и мессианство

Оомото, подобно многим другим японским сектам того времени, уже на раннем этапе своего существования впитала в себя ряд несколько видоизмененных буддийских идей. Такая тенденция среди ранних японских НРД в целом не удивительна – в Японии на протяжении многих веков в синтоистских святилищах могла храниться буддийская утварь, а отправлением ритуала мог заниматься буддийский священник, именуемый 社僧, *сясо*:. Кроме того, на территориях синтоистских святилищ могли возводиться и буддийские постройки. Различные буддийские элементы в народном сознании шли бок о бок с синтоистскими.

Эйвери Морроу, изучавший текст *Офудэсаки*, отмечает, что в нарративе Дэгути Нао будды выступают как злокозненные существа, отнявшие у *ками* былое величие и власть. Милостивый Кондзин, однако, на них вовсе не обижен [Morrow 2017, p. 174]. В то же время основатель *дзэн-буддизма* Бодхидхарма 菩提達磨, *Бодай-Дарума* (440–528/536), выступает как сугубо положительный персонаж, сторонник главного бога Оомото. Впрочем, вполне возможно, что о его связи с буддийской традицией Нао попросту не знала – еще в эпоху Эдо Дарума успел укорениться в японской народной культуре (в особенности городской).

В ранней проповеди Нао не последнюю роль играла идея разрушения современного несправедливого мира и его смены новым миром, где будут властвовать боги. С точки зрения Н. Сталкер, подобные идеи раннего Оомото имеют корни в народном представлении о 世直し, *ёнаоси*, «излечивании/исправлении мира», которое зародилась во второй половине эпохи Эдо и подпитывало ряд социальных протестов того времени [Stalker 2008, p. 44]. Нередко в таких

протестных движениях «новый справедливый мир» именовался 弥勒の世, *Мироку-но ё*, то есть мир будды Майтрейи. Именно этот будда, с точки зрения традиционных буддийских эсхатологических представлений, должен появиться по окончании нынешней мировой эпохи. Приближение к ее концу должно сопровождаться природными катаклизмами, падением нравов и пр. Весьма схожие представления об эпохе конца Закона (末法, *манпо*;) бытовали и в средневековой Японии. Сталкер предполагает, что подобные эсхатологические мотивы проповедей были реакцией на популярные в то время в сельской местности настроения, выражавшиеся в неприятии стремительной модернизации Японии. Жители японских деревень как правило не видели ничего хорошего в новшествах: молодых крестьянских парней стали забирать в армию, появились новые законы и правила заключения сделок по западному образцу, которые служили удобным инструментом для обмана необразованных селян [Stalker 2008, p. 58].

В конце концов Дэгути начинает мыслить себя в качестве ипостаси Майтрейи, что, с одной стороны, вписывалось в концепцию *ёна-оси*, а с другой, смягчало антибуддийский характер секты, который ей пыталась придать Нао. Когда Дэгути исполнилось 56 лет и семь месяцев (3 марта 1928 г.), он провел первое празднество Мироку. Традиционно считается, что сам исторический Будда называл число 567, связывая его с пришествием Майтрейи [Stalker 2008, p. 63]. Одним из атрибутов этого будды является телесная полнота, от чего толстяка Будая (布袋, Хотэй), персонажа дзэнских преданий и народных верований, принято считать его аватарой. Свою полноту Дэгути считал доказательством особой связи с Майтрейей (хотя на современный взгляд сооснователь Оомото на фотографиях выглядит вполне стройным; должно быть, полным он казался лишь по японским стандартам).

В то же время полнота как атрибут играла и несколько иную роль в идеях секты – она меняла гендерные роли. Дэгути называл себя термином 変成女子, *хэндзё: нёси* («перевоспещенная женщина»), а Нао именовал 変成男子, *хэндзё: нанси* («перевоспещенным мужчиной»). Термин *хэндзё: нанси* обозначает состояние, при котором женщина-монахиня духовно становится мужчиной для обретения спасения. Как известно, в хинаянском буддизме считалось, что высшего состояния просветленности могут достичь только мужчины, что нашло определенное отражение и в буддизме дальневосточных стран. В своей телесной полноте и длинных волосах Дэгути

видел доказательство потаенной женской духовной природы. Считается, что из двух ипостасей Кондзин Дэгути бывал одержим божеством Мидзу, то есть женским началом Бога.

Влияние Запада. Интернационализм

В *Рэйкай моногатари* сооснователь секты впервые вводит концепцию «мирады учений – один корень» (万教同根, *банкё: до:кон*). Согласно этой теории, религии по сути не имеют существенных различий, лишь небольшие, второстепенные, которые объясняются особенностями климата, культуры или эпохи. Оомото под предводительством Дэгути в целом проявляет преимущественно дружелюбное отношение к другим религиям, особенно иностранным НРД [Stalker 2008, р. 152–153]. Известны его контакты с представителями Бахаи или болгарского Всемирного Белого Братства [Stalker 2008, р. 66–67].

У Дэгути были и попытки толковать Библию. Он сопоставлял персонажей японских мифолого-летописных сводов, Идзанаги и Идзанами, с библейскими Адамом и Евой. Из трех сыновей Ноя в прародители японскому народу он выбрал Сима, сделав японцев, с теологической точки зрения, семитами, а также придав им богоизбранный статус [Stalker 2008, р. 71–72]. Дэгути в целом амбивалентно трактовал статус японского народа: с одной стороны, японцы и японская земля могли объявляться священными, а с другой, все народы провозглашались братьями.

Интернационалистские настроения Дэгути находили и практическое воплощение. Так, секта в 1920-х гг. фактически была в авангарде распространения языка Эсперанто в Японии, а его создатель, Лазарь Заменгоф, был объявлен божеством¹⁷. В 1925 г. создается светская организация *Дзинруй айдзэнкай* 人類愛善会 («Общество выражения любви и доброты к человечеству»), связанная с Оомото, и занимающаяся гуманитарной помощью, в том числе и за пределами Японии. Организацией выпускался журнал, который к 1935 г. публиковался в 22 странах [Stalker 2008, р. 66–67].

Вероятно, резкий поворот к интернационализму в какой-то мере был обусловлен смертью основательницы Оомото в 1918 г. Нао отличалась тягой к нативизму и ксенофобии и не разделяла многих

¹⁷ См.: <http://www.oomoto.or.jp/Esperanto/esDokt/demres.html> (In Esperanto)

интернационалистских настроений Дэгуги. В то же время статус особы Японии и японского народа в его несколько амбивалентной ипостаси, приглушенной идеями «братства народов», преследовал и преследует идеи Оомото по сей день.

Заключение

Целью моего исследования было не столько изучение японских новых религиозных движений, сколько привлечение внимания к лакуне в отечественных исследованиях. Среди всех японских НРД секта Оомотокё: заслуживает особого внимания, поскольку, по уже указанным в тексте причинам, она особенно сильно воздействовала как на идейные комплексы, так и на различные методы прозелитизма в более поздних НРД. В рамках же данной статьи была предпринята попытка понять происхождение различных элементов доктрины секты, выявить их связи с предшественниками Оомото. Взяв синкретический конгломерат, заданный Нёрайкё: в начале XIX в., состоящий из элементов народных верований, буддийских идей и тенденции к генотеизму, Оомото сильно его преобразует, добавляя к нему теорию Кокугаку, более тонкое осмысление буддийских элементов, а также ряд идей западного происхождения. Именно такая синкретическая система повлияет на формирование ряда будущих японских НРД.

Библиографический список

- Бабкова М. В. (2022). Дзэн-буддийское влияние на учение Макуя, или Скинию Христа. *Ежегодник Японии*. Т. 51. С. 266–285.
- Игнатович А. Н., Светлов Г. Е. (1989). *Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии*. Москва: Мысль
- Комаровский Г. Е., Арутюнов С. А., Григорьева Т. П. (2014). *Закон Неба*. Москва–Берлин: Директ-Медиа.
- Молодякова Э. В. (2012) Политическая система Японии: возможны ли радикальные перемены? *Восточная аналитика*. № 3. С. 32 – 38.
- Накорчевский А. А. (2003) *Синто*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение.
- Раевский А. Е. (2015). *Социально-психологические факторы религиозного терроризма в Японии*. Дис. кандидат. психологических наук. Москва.

References

- Anesaki, M. (1930). *History of Japanese religion*. Rutland, Vermont & Tokyo, Japan: Charles E. Tuttle Company.
- Babkova, M. V. (2022). Dzen-buddiiskoe vliyanie na uchenie Makuya, ili Skiniyu Khrista [Zen Buddhist Influence on Makuya Teaching, or “Tabernacle of Christ”]. *Yearbook Japan*, 51, 266–285. (In Russian).
- Earhart, H. B. (1983). *The New Religions of Japan: A Bibliography of Western-Language Materials*. Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan.
- Ignatovich, A. N., Svetlov, G. E. (1989). *Lotos i politika: neobuddiyskie dvizheniya v obshchestvennoj zhizni Yaponii* [Lotus and Politics: Neobuddhist Movements in Japanese society]. Moscow: Mysl' (In Russian).
- Komarovskiy, G. E. Arutyunov, S. A., Grigor'eva, T. P. (2014). *Zakon Neba*. [The Law of Heavens]. Moscow–Berlin: Direkt-Media. (In Russian).
- Molodyakova, E. V. (2012). Politicheskaya sistema Yaponii: vozmozhny li radikal'nye peremeny? [Political System of Japan: Is There a Possibility for Radical Changes?]. *Vostochnaya analitika*. [Oriental Analytics], 3, 32–38. (In Russian).
- Morrow, A. (2017). The Power of Writing in Deguchi Nao's Ofudesaki. In Inga, B. T., Christian, G. (Eds). *Female Leaders in New Religious Movements* (pp. 165–188). London: Palgrave Macmillan.
- Mullins, M. R. (2011). Religion in Contemporary Japanese Lives. *Routledge Handbook of Japanese Culture and Society*, 16 (1), 63–74.
- Nakorchevskiy, A. A. (2003). *Sinto* [Shinto]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).
- Raevskiy, A. E. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskie faktory religioznogo terrorizma v Yaponii*. [Socio-Psychological Factors of Religious Terrorism in Japan]. Candidate of Sciences Thesis. Moscow. (In Russian).
- Stalker, N. (2018). Ōmoto. *Brill Handbooks on Contemporary Religion*, 16 (1), 33–52.
- Stalker, N. (2008). *Prophet Motive: Deguchi Onisaburo, Oomoto and the Rise of New Religion in Imperial Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press
- Waley, A. (1933). Kono Tabi: A Little-Known Japanese Religion. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 7, (1), 105–109.
- Winter, F. (2018). Japanese New Religious Movements: An Introduction. *Brill Handbooks on Contemporary Religion*, 16 (1), 17–33.